

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им.М.В.ЛОМОНОСОВА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

АРЛЯПОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕЧНЕ: 1917 – 2000 гг.

**Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии**

**Автореферат
диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Москва 2006

Работа выполнена на кафедре истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
МУРОМЦЕВА Людмила Петровна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
ЗАСЕДАТЕЛЕВА Лидия Борисовна
кандидат исторических наук
ГУДЕВ Павел Андреевич

Ведущая организация: Российская экономическая академия им.Г.В.Плеханова

Защита диссертация состоится «28» декабря 2006 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета К.501.001.14 в Московском государственном университете им.М.В.Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ, аудитория № 550.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГУ по адресу: 1-й корпус гуманитарных факультетов, читальный зал.

Автореферат разослан «27» ноября 2006 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
Кандидат исторических наук, доцент В.А.Никитин

Общая характеристика работы

Актуальность темы

Этнополитические процессы в Чечне служат объектом пристального внимания как российского, так и зарубежного научных сообществ. Стойкий исследовательский интерес обусловлен ролью, которую они сыграли в исторических реалиях постсоветской России, а также их заметным влиянием на текущий политический процесс.

Важность «чеченского вопроса» на протяжении 1990-х годов трудно переоценить. Тема противостояния региона с Центром стала неременной составляющей исследований по истории межнациональных и федеративных отношений в СССР и постсоветской России. Кризис, вылившийся в полномасштабные военные действия, незамедлительно сказался на внешнеполитических позициях государства: от «содействия» стремительной дипломатической и политической изоляции России на Западе в 1990-х годов до «содействия» сближению Москвы с США и НАТО перед угрозой мирового терроризма в начале нынешнего столетия.

Конфликт в Чечне существенно изменил картину межэтнического взаимодействия внутри страны. Слабое управление миграционными потоками привело к резкому выделению этнического аспекта миграции и повлекло наблюдаемую в российских городах напряженность между местным и иноэтничным пришлым населением. Межэтнические противоречия вызвали усиление межконфессиональных разногласий и вывели государственное регулирование этого сектора общественных отношений на новый уровень.

Вышесказанное подчеркивает научную и практическую значимость изучения проблем, связанных с Чечней. Продолжительная череда деструктивных явлений, с которыми столкнулась Россия на этапе становления новой государственности, во многом была обусловлена действиями таких специфичных субъектов политики, как этносы, ее населяющие. В отечественной и зарубежной политологии за этническим (или этнонациональным) фактором в политике давно и прочно закреплено самостоятельное значение, а с недавнего времени о нем говорят как об одной из ведущих проблем современной цивилизации, способной заслонить другие проблемы общественного развития – социальные, экономические, духовные.¹

Деятельность политически активных этнических групп оказывает существенное влияние на изменение ценностных установок в мировой политике и характера взаимоотношений между центром и периферией – в региональной. Непременные составляющие и сопутствующие этой деятельности явления, такие как: этническая мобилизация, политическое участие, политический протест, сепаратизм, этнополитический конфликт, легитимация утвержденной политической власти – в полной мере проявила себя в Чечне и выступили неотъемлемой частью исследования этнополитических процессов в регионе. Помимо перечисленных, важными политологическими

¹ Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003.

проблемами работы стали: этническая (национальная) элита и ее роль в политическом процессе; способы рекрутирования политической элиты и лидеров; самоорганизация этнической группы как политического субъекта; политическое поведение и настроения; политическое сознание и его эволюция; политическая социализация; идеология (в том числе национализм и его место в этнополитическом процессе); этнический фактор в государственном устройстве России.

Длительность исследуемого периода позволила изучить многие явления в динамике – от зарождения до кульминационной точки и угасания, а также проследить их преемственность. Основополагающий принцип протекания этнополитических процессов в таком полиэтничном государстве, как Россия – хронологическое совпадение центральных и локальных процессов, предопределил их сопоставление, оценку взаимодействия федеральных и региональных органов власти, центральной и местных элит.

Определение характера и содержания этнополитических процессов в Чечне позволит не только переосмыслить оценку прошлого региона, но и учесть накопленный позитивный и негативный опыт в сегодняшнем взаимодействии, в планировании ближайших и дальних его перспектив.

Степень изученности проблемы

Несмотря на значительное число работ по данной, а чаще близкой к ней проблематике, история изучения этнополитических процессов в Чечне очень молода. Это объясняется самой логикой развития отечественной гуманитарной науки. В 1970-1980-х годах научное сообщество в СССР лишь только начинало свое знакомство с достижениями западной научной мысли в области национально-этнических отношений. И знакомство состоялось во многом благодаря критике зарубежных теоретических концепций в работах советских авторов.²

Теоретическую основу исследования составили как труды западных авторов, внесших наиболее значительный вклад в разработку методологии изучения этнополитических процессов и национализма³; так и хронологически более поздние работы российских специалистов, на базе которых в дальнейшем сформировалась отечественная этническая конфликтология.⁴ Со второй

² Королев С.И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970; Тохарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения. М., 1991; и др.

³ Shafer B. Nationalism: Myth and Reality. London: Gollancz, 1955; Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985; Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge, 1986; Mann M. The Sources of Social Power. Vol.1. Cambridge, 1986; Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, New Jersey, 1994; Gurr T. Minorities at risk: a global view of ethno-political conflicts. Washington, D.C., 1995; Why Do Minorities Rebel?// Federalism against Ethnicity? Zurich, 1997; Бузур О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса// Путь. 1992, №1; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб, 1998; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Нации и национализм (пер. с англ. и нем.). М.: «Праксис», 2002; и др.

⁴ Баграмов Э.Я. К вопросу о научном содержании понятия «национальный характер». М., 1973; Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987; Козлов В.И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии// Советская этнография, 1983, №2; Бурмистрова Т.Ю., Дмитриев С.А. Дружба сплоченные: культура межнационального общения в СССР. М., 1986; Арутюнян Ю.В., Дробизова Л.М.

половины 1980-х – в 1990-е годы сформировалась социолого-политологическая ветвь этого направления – в диссертации она представлена рядом исследований.³ Среди представителей западной школы этнополитической конфликтологии несомненно отдельно назвать авторов, чьи общетеоретические и прикладные исследования легли в основу конфликтологического анализа.⁴

В современной отечественной политологии разработке теоретических проблем изучения этнополитических процессов посвящено скромное число специальных работ.⁵ Несмотря на обширность литературы, посвященной отдельным аспектам проблемы, обобщающие труды еще не нашли своих авторов. В то же время довольно быстрыми темпами развивается российская политическая регионалистика – ежегодно в этой сфере издается значительный ряд работ. Но, как правило, отмечается чрезмерная зависимость таких исследований от ситуативных факторов, текущей политической конъюнктуры; их излишняя сосредоточенность на частных аспектах региональной проблематики; а главное – разобщенность изучаемых этнополитических проблем, что ведет к невозможности построения целостной модели развития этнополитических процессов в регионе.

В числе отечественных специалистов в области прикладной политологии, особо следует выделить тех, чьи имена уже давно и прочно связаны с чеченской проблематикой: В.А.Тишкова, Л.Л.Хоперскую, Г.В.Заурбекову, Вж.Гакаева, А.Малащенко, Ж.Тощенко, Э.Паина.⁶ Необходимо

Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987; Губогло М.Н. Предпосылки изучения современной этнополитической ситуации в СССР// Национальные процессы в СССР. М., 1991; Тишков В.А. О природе этнических конфликтов// Свободная мысль. 1993, №4; О толерантности// Этнополитический вестник. 1995, №5; др.

³ Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе// Вопросы социологии. 1993, №1-2; Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы (Центр конфликтологии Института социологии РАН). М., 1996; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект Пресс, 1996; Межнациональные конфликты на постсоветском пространстве. М., 1999; Дробничева Л.М. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений// Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997; Перепелкин Л.С. Межэтнические конфликты: причины возникновения и механизмы предупреждения// Конфликт – диалог – сотрудничество. М.: ЦСПИ, 1999; Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999; Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. Москва–Ставрополь, 2002; и др.

⁴ Mack A. Why Big Nations Loss Small Wars. The Politics of Asymmetric Conflict// World Politics. Vol.27, #2 (Jan., 1977); Rapoport A. The Origins of Violence: Approaches to the Study of Conflict. New-York, 1989; Collier P. Doing Well out of War// Paper prepared for Conference on Economic Agendas in Civil War (April 26-27, 1999). London: The World Bank, 1999; Arreguin-Toft I. How the Weak Win Wars. A Theory of Asymmetric Conflict// International Security, Summer 2001. Vol.26, #1; Смит Д. Причины возникновения и тенденции распространения вооруженных конфликтов// Чечня: От конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001; Линнотт Д., Оун Л.-Э. Экономика конфликта (гражданская война, терроризм, сепаратизм): проблемы и предварительные итоги// Центральная Азия и Кавказ. 2004, №3(33).

⁵ Котанджян Г.С. Этнополитология как консенсус-конфликта: цивилизационный аспект национальной безопасности. М., 1992; Марченко Г.И. Этнополитология как наука// Социально-политический журнал. 1994, №3-6; Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений// Вестник Московского Университета. Серия «Политические науки». 1995, №1; Этнос как объект и субъект политики: социальные основы национальной политики// Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. 1997, №5.

⁶ Хоперская Л., Черноус В. Россия и Северный Кавказ: история и современность// Этнополитический вестник России. 1993, №1; Хоперская Л., Денисова Г. Современная национальная политика на Северном Кавказе (попытка анализа)// Этнополитический вестник. 1995, №6; Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1997; Факторы противостояния и выбор стратегии стабильности на Северном Кавказе// Центральная Азия и Кавказ. 2000, №4(10); Заурбекова Г., Яндаров А. О некоторых парадоксалистских

отметить многочисленность исследований, посвященных собственно анализу этнополитических процессов в республике: «Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе» и «Технологии управления этнополитическими процессами в Северо-Кавказском регионе» Л.Л.Хоперской, «Чеченская модель этнополитических процессов» В.Короткова, «Этнополитические процессы и их специфика на Северном Кавказе» А.Ю.Кормазова и некоторые другие.⁹

Что же касается изучения этнополитических процессов применительно к Чечне в советское время, то, имея другие названия, содержание, другую повяттийно-категориальную матрицу, инструментальный аппарат, отличные цели и задачи, оно все же проводилось. Изучались этнические процессы на территории СССР, а в их рамках – на территории бывшей ЧИАССР, изучалась история населявших республику этносов, демографические изменения и миграционные процессы; освещалась история республики как национально-государственного образования, ее развитие в области экономики, культуры и образования.

Сущностные характеристики и особенности позволяют выделить, по меньшей мере, четыре этапа в развитии историографии вопроса с довольно четким обозначением хронологических границ: 1917-1944 гг., 1944-1957 гг., 1957-1989 гг. и 1989 – по настоящий день.

На первом этапе отчетливо наблюдается становление историографии по истории новой, советской Чечни. В соответствии с первоочередными задачами коммунистической партии и государства, направленными на упрочение революционной власти на местах, научное знание служило поднятию и поддержанию революционного духа национальных окраин, их единения в неприятни уже ставшей историей царской политики «колониализации». В работах этого периода основное внимание традиционно уделялось освещению событий революционных лет в Чечне с акцентом на солидарность трудящихся Чечни с трудящимися других регионов, всей России.¹⁰

тенденция в сепаратистском конфликте// Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001; Заурбекова Г. О концепции управляемых конфликтов// Там же; Тишков В.А. Чеченский кризис. М., 1995; Слова и образы в постконфликтной реконструкции// Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001; Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001; Галаев Д.Д. Чечня: истоки и «сценарии» вооруженного конфликта// Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология решения. Политика в зеркале конфликтологии. М.: Политические и этнические проблемы РАН, РАПН, 1995. №10, ч.2; Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. М.: ЧКЦ, 1997; Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы. В двух частях. М.: ЧКЦ, 1999; Чеченский кризис: новая фаза развития и терроризм// Современный терроризм: состояние и перспективы (под ред. Е.И.Степанова). М., 2000; Малащенко А., Трейни Д., Ливен А. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002; Малащенко А. Три варианта большого взрыва// www.carnegie.ru/ru/print/72303-print.htm; Чечня для внутреннего и внешнего потребления// www.carnegie.ru/ru/print/58492-print.htm; Тошенко Ж.Т. Этнокрафия: история и современность// www.tovlevich.ru/book/print/169.htm (М.: РОССПЭН, 2003); Чеченский кризис: человеческий потенциал проблемы// Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. 1995, №10, ч.2.

⁹ Кормазов А.Ю. Этнополитические процессы и их специфика на Северном Кавказе. Дисс. Ставрополь, 1994; Коротков В. Чеченская модель этнополитических процессов// Общественные науки и современность. 1994, №3; Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1997; Технологии управления этнополитическими процессами в Северо-Кавказском регионе. Ростов-на-Дону, 1999.

¹⁰ 1905, 1906 и 1907 годы в Грозном. Грозный, 1925; Авторханов А.Г. Революция и контрреволюция в Чечне. Грозный, 1933.

Популярна была критика «империалистической экспансии» царизма и тема исторического сопротивления угнетенных народов царскому режиму, где особым интересом исследователей пользовалось движение под предводительством Шамиля.¹¹ Данная линия, как правило, сопровождалась публикацией знаменитых писем и записок генерала А.П.Ермолова, графа И.Ф.Паскевича, документов соответствующего периода, с комментариями.¹²

В тематической литературе 1920-1930-х годов уже вполне определено прослеживается устойчивое преобладание ценностных характеристик над собственно анализом очерченного круга проблем. Самое широкое освещение получали достижения чеченского народа при советской власти, восторженные отзывы в работах историков вызвало объединение Чечни и Ингушетии в единое национально-государственное образование – Чечено-Ингушскую Автономную область (впоследствии – ЧИАССР).¹³ Не были раскритикованы и прежние формы организации, они рассматривались как необходимые, но утратившие свою актуальность в свете позитивных перемен этапы национально-государственного строительства. В целом, несмотря на уже намевившиеся деформации, можно уверенно говорить об общем подъеме процесса изучения истории Чечни и чеченцев к середине 1920-х годов и сохранении этой тенденции на протяжении последующего десятилетия.

Следующий виток развития историографии неразрывно связан с массовой депортацией чеченцев и ингушей в отдаленные районы СССР в феврале 1944 года. Для 1940-х годов характерно не только отсутствие публикаций на тему массового выселения чеченцев (эта проблема будет прочно закрытой для исследователей в СССР¹⁴ еще долгие годы), но и изучения общей истории Чечни. Более того, в конце 1940-х годов отчетливо прослеживается стремление с официальных позиций¹⁵ пересмотреть историю взаимоотношений чеченцев (и ингушей) с другими советскими народами, внести коррективы в оценку их роли в установлении советской

¹¹ Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость (1863-1864). Краснодар, 1927; Абрамов Я. Кавказские горы. Краснодар, 1927; Покровский Н. Мюридизм у власти («Теократическая держава» Шамиля)// Историк-марксист. 1934, №2(36); Буржалов Э. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1940; Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Жарахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941.

Прим.: в контексте освещения хронологии изучения темы Кавказской войны в советской историографии нельзя обойти вниманием труд Н.И.Покровского «Кавказская война и имамат Шамиля», сданный в печать в 1934 году. Несмотря на то, что одновременно три издательства приняли его в печать, исследование так и не увидело свет. Уже в постсоветской России был опубликован авторский вариант работы 1940-1941 гг. (М.: РОССПЭН, 2000) – *Э.А.*

¹² Переселение горцев в Турцию. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1925; Письма Ермолова. Махачкала, 1926; Хаджи-Мурат. Мемуары. Махачкала, 1927; и др.

¹³ Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни. Грозный, 1930; Объединение, рожденное революцией. Грозный, 1934; Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. Ростов-на-Дону, 1931; Родов С., Шапиро Л. Чечено-Ингушская АССР. Грозный, 1938.

¹⁴ Прим.: негласный запрет не коснулся исследователей, находящихся вне зоны советского влияния – в 1952 году в Мюнхене была издана широко известная работа А.Авторханова «Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР», сделавшая автора основоположником темы депортации в отечественной и зарубежной историографии; к числу первых по данной проблематике относится также работа А.И.Некрия «Наказанные народы», увидевшая свет в Нью-Йорке в 1988 году, однако ей уже предшествовал ряд работ других зарубежных авторов.

¹⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В.Мурадели» от 10 февраля 1948 г.// «Правда». 1948, 11 февраля.

власти на Кавказе. Инициатива властных структур не замедлила сказаться на появлении новых подходов и тенденций в изучении истории Северного Кавказа и населявших его народов в тех единичных работах, которые вышли в свет в первой половине 1950-х годов.¹⁶

Отправной точкой в возобновлении активной исследовательской деятельности в нашей стране послужили указы Президиумов Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 года, а также Закон СССР от 11 февраля 1957 года¹⁷, которые ознаменовали официальное окончание ссылки и восстановление ранее упраздненного национально-государственного образования чеченцев и ингушей. Уже в конце 1950-х – начале 1960-х годов в СССР увидел свет целый ряд работ, посвященных этнографии и истории Северного Кавказа, публиковались тематические сборники документов.¹⁸ Своих исследователей вновь нашли вопросы истории партийной организации в республике, борьбы горцев за советскую власть и против царского режима, появились первые историографические обзоры.¹⁹ Больше внимание стало уделяться культуре и быту коренных народов, заметно возрос интерес к изучению их религии.²⁰ С сохранением указанных приоритетов в тематике исследовательских работ советская историографическая традиция рассматривала историю ЧИАССР и ее населения последующие двадцать с лишним лет.²¹

¹⁶ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонистов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953; Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн// Вопросы истории. 1955, №11; и др.

¹⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» от 9 января 1957 г./ Ингушская государственность. Москва-Назрань, 1997; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» от 9 января 1957 г./ Ингушская государственность. Москва-Назрань, 1997; Закон СССР «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии бакарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов» от 11 февраля 1957 г./ Сборник Законов СССР. 1938-1975, т.1. М., 1975.

¹⁸ Стодневные бои в Грозном. Грозный, 1959; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Косев М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961; Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ. Труды Чечено-Ингушского НИИЯЛ. Грозный, 1964; и др.

¹⁹ Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960; Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за советскую власть. Грозный, 1963; Виноградов И.Б., Лосев И.К., Саламов А.А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. Грозный, 1963; Далиллов А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля// Вопросы истории. 1966, №10.

²⁰ Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1963; Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973; Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Крайнологическое исследование. М., 1974; Макатов И.А. Религиозное влияние в семейно-родственных отношениях и его продолжение// Вопросы научного аттестата. 1983, №31; Саидбаев Т.С. Ислам и общество. М.: «Наука», 1975; Керимов Г. Шарият и его социальная сущность... М., 1978; Вагабов М.В. Ислам и семья. М.: «Наука», 1980; Грозневич П.А. К вопросу о праве на верховную власть в мусульманской общине в раннем исламе// Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984.

²¹ Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972; Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973; Абдуллаев М.А. Северный Кавказ в объективе антикоммунизма. Махачкала, 1975; Ибрагимбеги Х.-М. Край «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977; Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Бузуртанов М.О. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России// История СССР. 1980, №5; Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI–первой половине XVII в. Грозный, 1981; Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность// История СССР. 1983, №2; Ибрагимбеги Х.-М. Битва за Кавказ. М., 1983; Из истории борьбы за власть Советов и социалистических преобразований в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Никитин В.В. Горючее – фронту. М., 1984; Козлов А.И. Некоторые вопросы общественно-экономического развития и социального состава населения Дона и Северного Кавказа накануне Октября// Социально-экономическая

Наступление качественно нового этапа в развитии историографии было вызвано к жизни общими изменениями в стране и мире. 14 ноября 1989 года увидела свет Декларация Верховного Совета СССР²², подвергшая кардинальному пересмотру политику государства по переселению народов в годы войны и положившая начало целой серии нормативных актов и законов в плоскости их реабилитации. Официальная смена позиции выступила своего рода катализатором интереса к проблеме депортации чеченцев и ингушей в отечественной историографии.²³ По сей день раздел «депортация» становится обязательной составляющей любого исследования по чеченской проблематике, включая обобщающие работы по истории Чечни с древнейших времен до наших дней.²⁴

Обширность современной литературы, а также существенные особенности работ делают возможным деление всего массива новейших исследований на этнографическую, историческую и политологическую литературу. Специалисты отмечают неоднозначность влияния всплеска интереса к Чечне и чеченцам в 1990-е годы и называют в ряду его следствий резкое увеличение числа публикаций, которое не всегда положительно сказывалось на общем качестве литературы по данной тематике и затронувшее все научные направления – от традиционных до совершенно новых.

В плоскости этнографического знания с начала 1990-х годов было опубликовано значительное количество специальных работ, посвященных изучению чеченского языка, фольклора, национальной кухни, этикета, истории мужских союзов.²⁵ Наблюдается включение целых глав, разделов этнографической тематики в общен исторические и политологические исследования. Подобная практика часто сопряжена со стремлением авторов базировать на основе пересмотра уже изученных вопросов (в том числе этнографии чеченского этноса)

структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1984; Блиев М.М. Присоединение Ингушетии к России // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985; Заурбекова Г.В. Изменение этносоциального состава населения Чечено-Ингушской АССР в годы советской власти // Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1986; Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. Грозный, 1988; Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М.: «Наука», 1988.

²² Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечения их прав» от 14 ноября 1989 г. // Известия. 1989, 14 ноября.

²³ Ибрагимбеги Х.-М. Плоды произвола // Литературная газета. 1989, 17 августа; Ибрагимбеги Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989, №4; Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов в СССР в 30-40-е годы // История СССР. 1989, №6; Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990, №7; Бугай Н.Ф., Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию». М., 1995; Бугай Н.Ф., Гомов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М.: ИИНСАН, 1998; и др.

²⁴ Прим.: интерес к проблеме депортации чеченцев стал традиционным и в зарубежной историографии; начало этой традиции положила работа «The Nation Killers» (R.Conquest), изданная в Лондоне в 1978 году – Е.А.

²⁵ Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992; Чокаев К.З. Накские языки. Грозный, 1992; Кое-что о чеченцах. Грозный, 1992; Дагестан: чеченцы-акинцы. М., 1992; Саблы рая, Горское оружие в Кавказской войне. Грозный, 1992; Межидов Д.Д., Алироев И. Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Грозный, 1992; Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994; Багаев М.Х. Тайна имен. Грозный, 1994; Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. СПб., 1996; Алироев И. Чеченский язык. М., 1999; Алироев И., Сайдулаев М. Чеченцы! Кто они? М., 1999; Исаев Э. Вайнакская этника. Назрань, 1999; Анчабадзе Г.З. Вайнахи (чеченцы и ингуши). Тбилиси: Кавказский дом, 2001; Асхабов И.А.-Р. Чеченское оружие. М.: Клуб Кавказ, 2001; и др.

создание новых концепций развития чеченцев с древнейших времен и построение принципиально отличных моделей взаимоотношений с Россией.²⁶ В данном контексте нельзя обойти вниманием проблему так называемой «симпатизирующей этнографии»²⁷ – вольная трактовка этнической истории чеченцев лишает многие работы той ценности, которую они могли представлять в научно-исследовательском плане. Вышесказанное особенно характерно для публикаций исторической и политологической направленности новейших зарубежных исследователей, непременно обращающихся к этнографии и древней истории чеченцев в описании современных политических процессов в регионе.²⁸

Традиционно к числу этнографических (этнологических) исследований относились работы по изучению религии Чечни, но уже в начале прошлого десятилетия наметился их уверенный переход из плоскости этнологии в сферу интересов политологов. Подробный анализ религиозного фактора и его роли в развитии Чечни и чеченцев на разных этапах содержат фундаментальные работы по истории ислама в России, а также его нынешнему состоянию и будущим перспективам на Северном Кавказе.²⁹

На стыке научных дисциплин находится такое важное направление как защита прав национальных меньшинств в сочетании с не менее востребованными проблемами мира, международной безопасности и сотрудничества. В рамках изучения этих вопросов российские и зарубежные ученые проявляют стабильный интерес и внимание к чеченскому региону.³⁰

В 1990-х–начале 2000-х было издано множество работ исторической и политологической направленности. Начало выходу исследований с широким спектром рассматриваемых вопросов,

²⁶ Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Грозный, 1991; История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века: Пособие для изучающих историю родного края. М.: Мир дому твоему, 2001; Чеченцы: история и современность. М.: Мир дому твоему, 1996; Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996; Сигуаи И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997; Дауев С. Чечня: коварные таинства истории. М., 1999; и др.

²⁷ Прим.: проблема развернуто представлена в работе известного российского этнографа В.А.Тишкова – «Слова и образы в проблематической реконструкции» (Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001) – Е.А.

²⁸ Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. Bolton, 1998; Gall C. & De Waal. Chechnya: A Small Victorious War. London, 1997; Martin K. Us versus Them: The Competing Nationalistic Ideals of Chechnya and Russia. Virginia Tech., 1998; Smith S. Allah's Mountains: The Battle for Chechnya. London-New-York, 2001; Richardson T. Day in Chechnya: Observations of a Conflict. Presentation at the U.S. Embassy-Moscow. 07 April, 2005; и др.

²⁹ Постсоветское мусульманское пространство: Религия, политика, идеология. М., 1994; Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995; Кривичий Е.В. Религиозный фактор в этнополитической ситуации на Северном Кавказе// Религия и политика в современной России. М., 1997; Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998; Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001; Федорович А. Тейпово-религиозные отношения в чеченском обществе// Центральная Азия и Кавказ. 2001, №2(14); Абдулатипов Р.Г. Судьбы ислама в России. М., 2002;; Бережной С. Роль исламского фактора в урегулировании кризиса в Чечне// Центральная Азия и Кавказ. 2003, №1(25); и др.

³⁰ Губого М.Н. Защита и самозащита национальностей// Этнополитический вестник. 1995, №5; Горенко А., Кокорин А. Проблемы национальных меньшинств, их права и механизмы защиты// Этнический мир. 1999, №9; Международное сообщество о стратегии достижения мира и стабильности в Чечне и вокруг нее (Материалы конференции Института международных отношений Швеции и журнала «Центральная Азия и Кавказ»// Центральная Азия и Кавказ. 2000, №4(10); Уэр Р.Б. Мир в Чечне: есть ли надежда?// Там же. 2003, №2(26); Гражданская война в Чечне: политический провал и ответная стратегия// Там же. 2004, №3(33).

в том числе ранее не освещаемых, положили, как отмечалось, работы по истории депортации чеченцев и ингушей. Следом за ними были совершены первые попытки составления хронологии истории Чечено-Ингушетии, ее периодизации.³¹

На начальном этапе заметно стремление российских, главным образом – чеченских и ингушских, авторов восполнить пробелы в истории собственных народов, что повлекло за собой появление большого числа работ по истории республики с древних времен до наших дней.³² Детальному изучению и переоценке подверглись темы кавказских войн и имамата Шамиля.³³ Важным звеном в историографии оставалась проблема репрессий в отношении чеченского и ингушского народов и их последующей реабилитации.³⁴ Причем с середины 1990-х годов в работах некоторых местных авторов прослеживаются попытки представить так называемую «связь времен», т.е. рассмотреть военно-политический конфликт 1994-1996 годов как продолжение репрессивной политики в отношении чеченского народа, начатой задолго и до депортации 1944 года.³⁵ Свое приложение и развитие попытки такого рода нашли в исторических и историко-политологических трудах, основной целью которых стала новая интерпретация истории взаимоотношений региона с Центром.³⁶

Отдельные исследования посвящены таким важным вопросам, как: конституционная и национальная безопасность, проблема спорных границ и в целом геополитический аспект, миграционная политика России и положение беженцев Чечни, социально-экономическая картина – как в ретро-, так и в перспективе, планирование восстановительных мероприятий в республике.³⁷ Не теряют своей актуальности труды российских политологов и специалистов в

³¹ Айдамирлов А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1994.

³² Музаев Т., Тодуа З. Новая Чечено-Ингушетия. М.: «Панорама», 1992; Алироев И. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994; Айдаев Ю.А. Чеченцы: история и современность. М., 1996; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001; и др.

³³ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур (народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII в.). Грозный, 1991; Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII в. Грозный, 1992; Елиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

³⁴ Божедомов А.И. Выселение// Импульс. 1993, №15; Парова Л. Документальные свидетельства ссылки чеченцев и ингушей (1944-1957 гг.)// Сердало. 1993, 27 ноября; Божов Х.Х. Эхо незвращенного прошлого. М., 1994; Дешериев Ю. Жизнь во мгле и борьбе. М.: «Палея», 1995; ЛБерия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию». М., 1995; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в шатлогах. М., 1998; и др.

³⁵ Локаев Г.Х. Спецпереселенцы. Джохар: Чеченгосиздат, 1999. См. также: Абумуслимов С.-Х. Геноцид продолжается. Киев, 1994; Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996; Умалатов У. Чечня глазами чеченца. М.: «Единство», 2001.

³⁶ Кавказ в сердце России: На вопросы современности ответы ищем в истории. М.: «Пашков дом», 2000; Россия и Чечня. 200-летняя война. СПб.: «Сатисъ», 2000; Россия и Кавказ – сикозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: «Звезда», 2001; Дашлов Дж. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М.: «Р.Валент», 2001; и др.

³⁷ Лысенко В.Н. От Татарстана до Чечни (становление нового российского федерализма). М., 1995; Шуберт Т.Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-правовое исследование. М., 2001; Басукаев М.Д. Чечня: вопросы национальной безопасности и проблемы формирования гражданского общества// www.ca-c.org/datarus/basukaevy.shtml; Эйвазов Дж. Кавказ: лимиты и возможности регионального сотрудничества в сфере безопасности// Центральная Азия и Кавказ. 2004, №4(34); Антитеррористическая кампания и новые тенденции геополитики и безопасности в региональных системах Центральной Азии и Кавказа// Там же.

области права, занимающихся изучением проблем федерализма в России, взаимодействия центральной и местных элит на разных уровнях власти, региональной политики в целом и т.д.³⁸ Особую нишу в анализе этнополитических процессов в Чечне занимают, как отмечалось выше, работы конфликтологов – как предметно-ориентированные, так и общетеоретические. Последние, как правило, выгодно отличаются от узко-сфокусированных исследований меньшей зависимостью от текущей политической конъюнктуры.

В целом, подводя итоги развития историографии вопроса, можно заключить следующее: исследование этнополитических процессов в Чечне, имея очевидную научную и практическую значимость, находится в сфере интересов отечественных и зарубежных специалистов; в то же время уровень разработки вопроса, включая его теоретические основы, оставляет желать большего – прежде всего, необходимо преодолеть разобщенность изучаемых этнополитических проблем, уйти от сосредоточенности на частных аспектах региональной проблематики, связать влияние ситуативных факторов на исследовательский процесс. Отечественная историография обладает богатым наследием советского периода, но этот опыт недостаточно востребован и даже отвергаем многими современными авторами, тогда как на достигнутых результатах исследований исторического, социологического, этнографического характера вполне могут базироваться новейшие концепции и прогнозы.

2002, №4; Спорные границы на Кавказе. М., 1996; Щербakov А.Р. Пограничная безопасность России в современных условиях: Политико-правовой анализ. М., 1997; Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001; Гудияшвили Д. Турция и Российско-Чеченская война 1994-1996 годов// Там же. 2002, №5; Искандарян А. Миграционные процессы на постсоветском Кавказе// Центральная Азия и Кавказ. 1999, №3; Перепелкин Л.С. Миграционные процессы и проблема этнокультурной безопасности в Российской Федерации// Миграция и безопасность в России. М.: Московский Центр Карнеги, 2000; Никитин Д., Халимухамедов А. Миграционные потоки как фактор дестабилизации положения на Северном Кавказе// Центральная Азия и Кавказ. 2002, №2(20); Паскачев А.Б., Устаев А.Л. Трудные ресурсы Чечено-Ингушской Республики: потенциал, степень использования, пути решения проблемы безработицы в условиях перехода к рынку. М., 1992; Цакаев А.Х. Совершенствование организации управления денежным обращением и кредитным обеспечением в Чеченской Республике. НИИ гуманитарных наук ЧР. Грозный: «Книга», 1993; Нефть и газ Чечни и Ингушетии. К 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1823-1993 гг. (под ред. Л.Х.Ибрагимова). М.: «Недра», 1993; Паскачев А.Б. Экономические и методологические проблемы вхождения в рынок Чечни и Ингушетии. М.: «Дело», 1993; Цакаев А.Х. Государственное регулирование экономики национально-территориальных образований. АНХ при Правительстве РФ. М., 1998; Авторханов А. Механизм восстановления агропромышленного комплекса Чечни – фактор стабилизации политической ситуации в регионе// Центральная Азия и Кавказ. 2004, №3(33); Магомалов М. Проблемы социально-экономического возрождения Чечни и перспективы ее развития// Там же. 2004, №4(34); Албаков Ф. Современные проблемы национально-этнического сознания на Северном Кавказе// www.cca-cc.org/datasets/albakov.shtml; Мижерников В. Современное состояние образования Чеченской республики// Чечня: От конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001; Мусалатов Х. Социальные проблемы Чеченской республики// Там же.

³⁸ Абдулатипов Р. Федеративный договор и перспективы развития межнациональных отношений// Этнополис. 1993, №1; Волков В.К. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира// Полис. 1993, №2; Губогло М.Н. Национальное право в конституциях республик России (1993-1995)// Этнополитический вестник. 1995, №6; Аджиев Х.А. Российский федерализм и государственное устройство республик Северного Кавказа. Канд.дисс. М., 1998; Авакян С.А. Национальный вопрос и государственное строительство. М., 2000; Васюкаев М. Субъектность Чечни – проблема российского федерализма// Центральная Азия и Кавказ. 2001, №1(13); Сосиков И. Федеральный Центр и Чечня: о новой системе отношений в сфере государственного управления и экономики (формирование госаппарата)// Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001; Ахмадов Я. К взаимоотношениям России и Чечни: от феодального лена к субъекту Федерации// Там же. 2003, №2(26); Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М., 2003.

Объект и предмет исследования.

В качестве *объекта* исследования выступает чеченская этническая общность в политическом процессе. *Предметом* исследования являются закономерности и особенности развития этнополитических процессов в Чечне в исследуемый период.

Цель данного исследования – анализ этнополитических процессов в Чечне с 1917 по 2000 годы, выявление закономерностей и особенностей их развития.

Для достижения цели автором поставлены следующие задачи:

- проанализировать теоретико-методологические основы исследования этнополитических процессов в Чечне;
- выявить базовые характеристики этнической системы чеченцев и их взаимосвязь с современными явлениями этнополитической жизни;
- рассмотреть чеченский этнос как субъект политико-правовых отношений;
- определить сущностные характеристики взаимодействия чеченцев в этнополитическом пространстве (в рамках собственной этносистемы, в рамках макросоциума);
- проследить истоки и эволюцию сепаратизма в Чечне.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 по 2000 годы. Нижняя хронологическая граница обусловлена наступлением новых исторических реалий в жизни страны, оказавших огромное влияние на развитие этнополитических процессов в каждом ее регионе; верхняя – окончанием противостояния между силами Федерального Центра и незаконными вооруженными формированиями на территории республики.

Географические рамки исследования – современные границы Чеченской Республики.

Методологическая основа исследования. Поскольку предмет исследования находится на стыке, по меньшей мере, двух научных дисциплин – истории и политологии, методологическую основу диссертации составили традиционные для политологии и истории научные принципы и методы познания. Принцип историзма предопределил анализ этнополитических процессов в контексте конкретно-исторических реалий. Принцип научной объективности был соблюден в отборе и анализе всех групп источников.³⁹

В той или иной степени автором были задействованы практически все методы, практикуемые при анализе этнополитических явлений. Сравнительно-исторические методы (историческое описание, сравнение, периодизация, ретроспективный, прогностический подходы) позволили анализировать этнополитические процессы и отдельные этнополитические явления в Чечне в тесной связи с той обстановкой, в которой они возникли, а также отслеживать характер их изменений в процессе развития.

³⁹ Более подробно теоретико-методологические основы исследования представлены в гл. I диссертация – С.41-62.

Эмпирические методы, а именно – невключенное наблюдение, сбор и систематизация разнообразных эмпирических данных, отражающих состояние объекта, преимущественно использовались в контексте изучения политического поведения чеченской этнической группы, ее политической культуры и влияния этнических факторов на политические процессы в регионе. В рамках изучения перечисленных блоков вопросов нашли применение широко используемые в этносоциологии культурологический, коллективистский и психологический подходы.

Системные методы дали возможность комплексного рассмотрения изучаемых процессов. Постулаты, лежащие в основе системного анализа (а ему в диссертации отведено особое место), были реализованы, в частности, при рассмотрении этнической системы чеченцев.

Научная новизна работы состоит в осмыслении этнополитических процессов в Чечне на протяжении длительного исторического этапа, что позволило выявить закономерности и особенности их развития; во введении в научный оборот новых источников, которые дали возможность осветить важнейшие сюжеты проблемы, а также пересмотреть отдельные устоявшиеся в историографии положения.

Практическая значимость диссертации определена тем, что ее материалы, выводы и рекомендации могут быть использованы при дальнейшем изучении межнациональных, федеративных отношений, региональной политики, межэтнического и межконфессионального взаимодействия; в педагогической работе; в работе государственных структур, отвечающих за эффективное управление в этих сферах.

Апробация исследования. Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории общественных движений и политических партий Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Положения и выводы диссертации отражены в статье и опубликованных тезисах доклада на научной конференции студентов и аспирантов МГУ им. М.В.Ломоносова «Ломоносов-2006».

Источниковая база исследования. *Первая группа* источников включает в себя документы и материалы государственных органов. Это Конституции СССР, РСФСР, определяющие основополагающие принципы развития государства; Конституции Чечни – ЧИАССР в составе РСФСР в советский период, и субъекта (члена) РФ в наши дни.⁴⁰

⁴⁰ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принята V Всероссийским Съездом Советов в Заседании от 10 июля 1918 г.; Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г.; Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 11 мая 1925 г.; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.; Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 21 января 1937 г.; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 г.; Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г.; Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.// Хрестоматия по истории государства и права России (Сост. проф. Ю.П.Титов), М.: «Проспект», 1998. СС.303-462; Конституция Чеченской республики. Грозный, 1992; Ингушская государственность. Москва-Назрань, 1997; см. также: www.chechnya.gov.ru/bulletins/reports.

Следующий блок в составе этой группы – резолюции и решения Всероссийских и местных съездов (начиная от Съездов народов Терека в постреволюционный период до съездов представителей чеченского народа нового образца), Законы СССР, РСФСР, Указы Президиума Верховного Совета СССР, РСФСР и ЧИАССР. Отдельный пласт в их составе представляют нормативно-правовые акты периода депортации, сначала юридически закрепившие и обосновавшие выселение народов, а затем законодательно осуществившие их политическую и территориальную реабилитацию; часть из них сопровождала изменения статуса национально-государственного образования чеченцев вплоть до его ликвидации.⁴¹

Существенным дополнением нормативной базы советского периода служат разнообразные правительственные постановления, регламентировавшие различные направления национальной политики; многочисленные приказы и распоряжения, имевшие силу так называемых подзаконных актов; отчеты, докладные записки разного уровня; протоколы, справки, спецсообщения, переписка Центральных и местных органов власти – исполнительные источники, не содержащие юридических норм, но наиболее полно и ярко отражающие процесс реализации мероприятий, намеченных в источниках нормативных.

Что касается постсоветской истории, то к данной группе отнесены: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе, Концепция национальной безопасности РФ, Основные положения региональной политики в РФ, Послания Президента РФ Федеральному Собранию за разные годы и некоторые другие нормативные источники, определяющие принципы взаимоотношений Центра и региона, развитие региона и сочетание его развития со стратегическими интересами государства.⁴² Дополняют массив документов новейшей истории Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, Федеральные законы,⁴³ оказавшие значительное влияние на течение политических процессов в республике, а также регулирующие положение дел в настоящее время.

Вторая группа источников – партийные документы и материалы. РКП(б)-ВКП(б)-КПСС – для советского периода: резолюции партийных съездов и конференций разного уровня;

⁴¹ Съезды народов Терека. Орджоникидзе, 1978, т.1; Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: Сб. Документов, тт. I-III. М., 1959, 1960; и др.

Прим.: нормативные акты и законы, прямо или косвенно касающиеся проблемы депортации чеченцев и ингушей, содержат тематические сборники документов, преимущественно выходившие в свет в период с 1990-го по 2000-й год, наиболее известные из них: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994; Ингушская государственность. Москва-Назрань, 1997; Реабилитация народов России. Сборник документов. М.: ИНСАН, 2000.

⁴² Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. М.: ИНСАН, 1998; Концепция национальной безопасности Российской Федерации// Независимое военное обозрение. 2000, 14 января; Основные положения региональной политики в Российской Федерации// Российская газета. 1996, 9 апреля; Об укреплении Российского государства (М., 1994); Россия, за которую мы в ответе (М., 1996); Порядок во власти – порядок в стране (М., 1997); Россия на рубеже эпох (М., 1999).

⁴³ Перечисленные документы широко представлены в центральной периодической печати («Российская газета», «Известия», «Коммерсантъ Daily» и др.), а также в «Собрании Законодательства Российской Федерации» разных лет издания.

постановления и обращения ЦК ВКП(б)-КПСС, Политбюро ЦК ВКП(б), протоколы заседаний Пленумов ЦК.⁴⁴ Они воссоздают четкую партийную линию в национальном вопросе. Особую ценность в исследовательском плане представляют документы местных партийных организаций: Северо-Кавказского крайкома, Чеченского обкома, Чечено-Ингушского обкома, Грозненского обкома ВКП(б) и Грозненского городского партийного актива. Основной массив этих документов – в виде протоколов с материалами и стенограммами заседаний съездов, конференций, пленумов, бюро, секретариатов и партактивов – был почерпнут из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); главным образом – фонда центральных руководящих органов партии (Ф.17).⁴⁵ Наряду с хранящимися в этом фонде материалами высших партийных органов – Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б),⁴⁶ документы местных партийных организаций дают представление о процессе выработки и принятия определенных решений, их последующей реализации на местах и реакции населения на проведение намеченных мероприятий.

С определенными сложностями сопряжено обеспечение данной группой источников постсоветского периода истории Чечни. Поэтому в освещении деятельности локальных общественно-политических объединений, партий и движений важное значение отводится авторским подборкам местной периодической печати, интервью, материалов пропагандистского толка, которые включены в виде приложений в монографические исследования.

Третью группу источников составляют произведения партийных и государственных деятелей. В подавляющем большинстве это произведения общественно-политического и научного характера признанных теоретиков в области национального вопроса, а также национальной политики Советского государства.⁴⁷ Наибольший интерес применительно к

---

⁴⁴ VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Стенографический отчет. М., 1958; IX Съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960; X Съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стенографический отчет. М., 1963; Тайны национальной политики ЦК РКП. «Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г.Москве 9-12 июня 1923 г.». Стенографический отчет. М., 1992; Протоколы и резолюция 1-й Чеченской областной конференции ВКП(б). 21 дек.-27 дек. 1928 г.// РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5713; XVII съезд Коммунистической партии. 26 янв.-10 февр. 1934 г. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934; Стенограмма заседаний II областной Чечено-Ингушской партийной конференции 25-27 мая 1937 г.// РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5727; Протокол и стенограмма IV областной Чечено-Ингушской партийной конференции 25-28 февраля 1939 г.// РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5731; Двадцатый съезд КПСС. 14-25 февраля 1956 г. Резолюции и постановления// КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т.9. М., 1986; Постановление Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР об образовании Государственного Комитета Оборона от 30 июня 1941 г.// КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т.7. М., 1985; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о Государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 год от 18 марта 1943 г.// Там же; Обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР от 17 февраля 1950 г.// Там же, т.8. М., 1985; Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года// Вопросы истории. 1995, №2; и др.

⁴⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 8, 21, 88.

⁴⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 3, 84, 116, 121, 122, 125.

⁴⁷ Баурз О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб.: Серп, 1909; Каутский К. Национализм и интернационализм. Пг.: Жизнь и знание, 1918; Бернов В. Национализм в качестве основы государственности. СПб.: Серп, 1912; Ленин В.И. Еще о национализме. Полн.собр.соч., т.24; О праве наций на самоопределение. Полн.собр.соч., т.25; Об образовании СССР. Полн.собр.соч., т.45; К вопросу о национальностях или об

географии настоящей диссертации представляют статьи и речи их авторов: А.Д.Шерипова, С.Орджоникидзе; а для новейшего периода – работы Е.М.Примакова, С.Н.Юшенкова, Р.Хасбулатова.⁴⁸

Четвертая группа источников представлена материалами периодической печати: центральных и местных газет и журналов общественно-политической направленности. В числе центральных периодических печатных изданий, в первую очередь, следует назвать газеты «Правда», «Известия»; столь же важным в масштабах ЧИАССР был «Грозненский рабочий»; республиканские и зональные газеты «Сердало», «Импульс», «Марш» и некоторые другие. Среди современных изданий, освещающих чеченскую проблематику – газеты «Коммерсантъ Daily», «Независимая газета», «Советская Россия»; еженедельники «Наша газета», «Эхо Чечни»; журналы «Профиль», «Власть», «Итоги», «Эксперт», «Деньги», «Огонек» и другие.

Пятая группа источников – мемуары: воспоминания государственных деятелей, партийных функционеров, иных персоналий, задействованных в событиях на территории Чечни и оказывавших заметное влияние на ход политических процессов в этом регионе.⁴⁹ К данной группе отнесены также материалы мемуарного характера, которые, однако, не могут быть названы мемуарами в полном смысле этого слова: они, как правило, отрывочны, по форме изложения больше похожи на интервью; принадлежат чаще всего чеченцам (и ингушам), высланным в годы войны или родившимся в местах поселений, участникам или жертвам военных действий на территории современной Чечни.⁵⁰

В комплексе использованных источников важная роль отведена многочисленным статистическим данным, опубликованным в специальных изданиях и справочниках,⁵¹ а также извлеченным из архивных фондов.

«автономизации». Полн. собр. соч., т.45 и др.; Сталин И.В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос? Сочинения, т.2; Марксизм и национальный вопрос. Сочинения, т.2; Вопрос об объединении независимых национальных республик. Сочинения, т.1; Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии. Сочинения, т.5; Национальный вопрос и ленинизм. Сочинения, т.11 и др.

⁴⁸ Шерипов А.Д. Статьи и речи. Грозный, 1961; Орджоникидзе С. Избранные статьи и речи. 1918-1937. М., 1939; Избранные статьи и речи о борьбе трудящихся Чечено-Ингушетии. Грозный, 1962; Примаков Е. Россия не прогибается перед исламом! Независимая газета. 1996, 18 сентября; Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002; Юшенков С.Н. Война в Чечне и проблемы российской государственности и демократии. М., 1995; Хасбулатов Р. Чечня: Мне не дали остановить войну. М.: Палес, 1995.

⁴⁹ Денкиев, Юденич, Врангель: Мемуары. М., 1991; Горбачев М.С. Декабрь-91: моя позиция. М., 1992; Боков Х.Х. Дорога печали и мужества. М., 1992; Макаян А.И. Так это было: Размышления о минувшем. М., 1999; Ельцин Б.Н. Записки Президента. М.: Огонек, 1994; Президентский маршфон. М., 2000; Трошев Г. Моя война. Записки окопного генерала. М., 2001; и др.

⁵⁰ Часть воспоминаний опубликована в специально изданных сборниках – Белая книга ЧССР. Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944-1957 (Грозный-Алиа-Ата, 1991); Так это было, т.2 (М., 1993); Белая книга. Чечня, 1991-1995, факты, документы, свидетельства. М.: Цос ФСК России, 1995; часть – в произвольном порядке расположена на страницах исследований по проблемам современной Чечни: Martin K. US Versus Them: The Completing Nationalistic Ideals of Chechnya and Russia. Virginia Tech (A Senior Seminar paper for the Political Science Department), 1998; Gall C. & De Waal T. Chechnya: A Small Victorious War. London, 1997.

⁵¹ Коммунисты в составе аппаратов госучреждений и общественных организаций. Итоги всесоюзной партийной переписи 1927 г.. М., 1929; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. М.-Ин-т истории СССР АН

Структура и основное содержание диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Введение содержит обоснование актуальности темы, обзор научной литературы, на основе которого выявляется степень изученности проблемы, определение целей и задач исследования, хронологических и географических рамок, характеристику источников.

Первая глава – «Теоретико-методологические основы работы» – раскрывает суть используемых автором понятий, рамки их употребления в данном исследовании. В контексте описания природы этнополитических явлений рассматриваются принятые в науке подходы к их анализу.

Основное внимание в главе уделено определению теоретических положений, наиболее важных для исследования заявленной в диссертации темы: «этнополитические процессы», «этническая система». Под «этнополитическими процессами» подразумевается «совокупность фактов и событий, становящихся реакциями субъектов политики на взаимодействия внутри этносферы, а также внешние воздействия на этносферу общества».⁵²

Определение дефиниции «этнополитический процесс» потребовало анализа ближайших ей по сути понятий из инструментария родственных научных направлений, на стыке которых, собственно, и образовалась молодая наука этнополитология. Прежде всего, это – «политический процесс», «этнические процессы», и их разновидность – «процессы этносоциальные»; а также основополагающие для этнологии понятия: «этнос», «этническая группа», «этничность».

Анализ сущности базовых понятий сопредельных дисциплин указывает на общность как устоявшихся взглядов, так и спорных моментов для дефиниций «этнополитический процесс» и «политический процесс»⁵³ и на существенную отдаленность от них в этом плане термина

СССР, 1991; Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1991; Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., т.2. М., 1992; Численность и состав коренных национальностей Чечено-Ингушской республики (По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 года). Чечено-Ингушское управление статистики. Грозный, 1991; Народное хозяйство в СССР в 1959 г.: Стат. ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960; Народное хозяйство в СССР в 1970 г.: Стат. Ежегодник. М.: Статистика, 1971; Народное хозяйство в СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987; Труд в СССР: Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988; Братское содружество народов в СССР 1922-1936 гг. М., 1964; Народное образование и культура в СССР: Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1989; и др.

⁵² Баранов А.В. Государственная национальная политика на юге России: приоритеты и направления реформ. Краснодар, 2003. С.57.

⁵³ Богомолова И.Г. Институционализация этнополитических процессов в современной России: к постановке проблемы// www.uchis.ru/public1.php (Южно-Российский научно-образовательный Центр ИСПИ РАН); Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии// Полис. 1995, №3; Кормазов А.Ю. Этнополитические процессы и их специфика на Северном Кавказе. Дисс. Ставрополь, 1994; Баранов А.В. Государственная национальная политика на юге России: приоритеты и направления реформ. Краснодар, 2003; Этнические и этно-социальные категории: свод этнографических понятий и терминов. Вып.б. (Под общей редакцией Ю.В.Бромляя и С.И.Вайнштейна. Отв.ред.В.И.Козлов). М: ИЭА РАН, 1995; Дегтирев А.А. Основы политической теории. М., 1998; Шутов А.Ю. Политический процесс. М., 1994; Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М.: Издательский Дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2001;

«этнические процессы». Объединяющее начало для всех трех терминов также присутствует (в его основе лежит значение самого слова «процесс»), обуславливая их определенную близость, но лишь на начальном этапе.⁵⁴

В числе других отличий важное место отводится заложенному уже в определениях этнополитических и политических процессов ключевому значению акторов, или субъектов взаимоотношений. Именно с точки зрения участвующих в них субъектов эти процессы легче поддаются анализу, поскольку раскрываются наиболее отчетливо и ярко. Более того, на базе участия, например, этнических акторов происходит разделение или отличие этих процессов. В зависимости от того, кого исследователь выбирает в качестве основных субъектов взаимодействия, каков характер этого взаимодействия, а также на основании того, какая единица времени берется за основу измерения процесса, делаются выводы относительно его характера и содержания. Разница в принятой исследователями системе координат и единицах измерения изучаемого процесса диктует ответ на вопрос о целесообразности существующей традиции рассматривать его в двух измерениях – макро- и микроуровнях.⁵⁵

Этнополитический процесс понимается автором не только как серия каких-либо направленных политических акций его акторов, но и череда этнополитических событий. В данном ключе объяснить структуру и организацию этнополитического процесса значит суметь осмыслить его главным образом как некую последовательность событий, чередующуюся, но вместе с тем пронизанную внутренним единством. Важно не упустить из виду то значение, что оказывает на ход этих событий, а также на взаимодействие их участников среда (политическая, социальная, культурная и т.д.).

Таким образом, этнополитические процессы в Чечне могут быть осмыслены, с одной стороны, как комплекс динамичных, взаимозависимых действий чеченского этноса и других значимых субъектов политических отношений в регионе (прежде всего, Федерального Центра), направленных на решение вопросов общественно-политической и социально-экономической жизни; с другой стороны, этнополитические процессы в Чечне – это проекция любого политического процесса в масштабе государства на конкретный – чеченский этнос.

Вышесказанное не отказывает в самостоятельности этнополитическим процессам, имеющим «местное» происхождение. Думается, они лишены самодостаточности в контексте

Мелешкина Е.Ю. Политический процесс// Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М.: Издательский Дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2001; Артамонов А.Г. Этнополитические процессы в республиках РФ, 1985 – середина 1990 годов (Анализ англо-американской политологической литературы). Диссертация. Владивосток, 2000; и др.

⁵⁴ Прим.: речь идет только об «эволюционных» этнических процессах, «трансформационные» этнические процессы, ведущие к смене этнической принадлежности, не рассматриваются – Е.А.

⁵⁵ Мелешкина Е.Ю. Политический процесс// Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М.: Издательский Дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2001. С.7; Политология: учеб./А.Ю.Мельвил. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. СС.288-289.

комплексного рассмотрения этнополитических процессов в регионе. Регион – составная часть большого государственного организма. Тип политического режима всего организма определяет содержание этнополитических процессов, характер и способы их самореализации, технологию политического властвования в рамках конкретного этноса. Столь же очевидна и обратная связь: проекция любого политического процесса, особенно направленного политического воздействия, преломляясь в сфере этнического, дает отражение этого явления в обратном направлении.

Основопологающий, с точки зрения автора, принцип протекания этнополитических процессов в пределах этнополитической сферы отдельного государствообразующего этноса доминанта – являя собой разные пространства, они всегда принадлежат одному и тому же времени, т.е. протекают одновременно. В совокупности локальных и центральных процессов заключается полнота этнополитической картины.

На основе принятой типологизации в главе дана характеристика этнополитических процессов в Чечне периода противостояния региона с Центром: локально-региональные (в силу того, что этнополитический конфликт в регионе был локализован и не перерос в процесс более масштабный, влияющий на основы международной политики и осуществляющийся при непосредственном участии ее основных субъектов); переходные, или транзитные (поскольку регион переживает период полного изменения системы власти, включая ее институты и другие субъекты); кризисные (что объясняется отсутствием баланса и консенсуса ведущих социальных сил); теневые, или нелегальные (выходящие за рамки правового поля).

Автором также определены основные этапы (стадии) развития этнополитических процессов в Чечне в исследуемый период. В их определении наибольшее внимание уделяется преобладающим тенденциям развития, учитывается хронологическое и содержательное соответствие с общегосударственными процессами (т.е. менее значимые, сугубо локального значения процессы не учитывались при выделении и формулировании этапов). Автор насчитывает четыре этапа развития этнополитических процессов в Чечне в указанный период. По сути они определены как: советизация (политическая социализация в рамках советского общества и политической культуры) – 1917–1944 годы; изоляция (для самого этноса – вынужденная) – 1944–1957 годы; повторная социализация (повторная советизация) – 1957–1990 годы; изоляция (для чеченского этноса – самоизоляция) – 1990–2000 годы.

Вторая глава – «Базовые характеристики этнической системы чеченцев» – дает представление об объекте настоящего исследования. Для получения максимально полной картины этническая система чеченцев изучена посредством анализа ее подсистем, в числе которых выделены: генно-ландшафтная, хозяйственная (экономическая), политическая, культурная, социальная и языковая. Подсистемы сгруппированы в блоки (исключение составила

политическая подсистема ввиду ее особого значения для настоящей работы), одна из них – социальная – переименована в «социально-демографическую».

Первый параграф главы посвящен изучению генно-ландшафтной и хозяйственной подсистем. Помимо анализа присущих им характеристик, а также их влияния на политические процессы в регионе, автором был затронут ряд проблем, вызывающих живой интерес в среде современных ученых. Это вопросы дифференциации этнической психологии у равнинных и горных чеченцев, в основе которой лежит объективно обусловленное разделение труда – географическая (или ландшафтная) специализация; проблема традиционной нехватки земли в регионе, на базе которой вкупе с так называемой «казанской» структурой занятости строится концепция его повышенной конфликтогенности; тема общей специфики развития горных местностей.

Изучение региона как географической и ландшафтной единицы, а также анализ его экономической (хозяйственной) составляющей позволило сделать следующие выводы:

К началу исследуемого периода Чечня подошла с неудовлетворительной экономической картиной. Несмотря на бурный по сравнению с началом века рост одной из основных отраслей производства – нефтедобычи,⁵⁶ Чечня, а особенно – ее горная полоса, находилась в бедственном положении: земельная неуростроенность, чрезполосица, убогая сельскохозяйственная техника при общем преобладании аграрного сектора в экономике, заметно повышенная роль в горной местности отгонного животноводства, бедность подавляющей части населения – это неполный перечень проблем, с которыми Чечня встретила Октябрь 1917 года.

Меры по улучшению социально-экономического положения чеченцев, которые предприняла новая власть, натолкнулись на проблемы острой нехватки квалифицированных национальных кадров и опытных работников из Центра, знакомых с местными условиями; с этим фактором напрямую связаны трудности подъема нефтяной отрасли, которая пришла в упадок в годы Гражданской войны.⁵⁷ Местные партийные организации не справлялись с поставленной Центром задачей «коренизации», текучесть национальных кадров была огромной.⁵⁸ С большим трудом продвигалось объединение в колхозы. В высокогорных районах трудности усугублялись отдаленностью населенных пунктов при срываемых планах дорожного строительства, слабостью органов власти.⁵⁹ Не были завершены землеустроительные работы: ни в 1920-х, ни к началу 1940-х.⁶⁰

Экономические трудности возросли в годы Великой Отечественной войны, хотя к восстановительным работам в республике, которая являлась одной из нефтяных житниц страны,

⁵⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5731. Л.67-68.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5731. Л.68.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5727. Л.76, 78, 81; Д.5773. ЛЛ.188-189.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5726. Л.98; Д.5725. Л.211.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5727. Л.55; Д.5731. Л.12.

приступили еще до полного освобождения Северного Кавказа.⁶¹ Последовавшая в 1944 году массовая депортация коренного населения ЧИАССР пагубно сказалась как на хозяйственно-экономической жизни чеченского этноса в местах поселений – Казахской и Киргизской ССР, так и на экономике территорий бывшей республики. Меры по трудовому и хозяйственному устройству спецпереселенцев не были реализованы в должном объеме; поставленные партией и государством задачи по хозяйственному освоению территорий бывшей ЧИАССР не были осуществлены ни в одном из своих направлений.⁶²

В советский (после депортации) период – за ЧИАССР, в постсоветский – за Чечней прочно закрепилось определение неблагоприятного в экономическом плане региона. Хронологически и проблемно в пиковые периоды проявления неблагоприятного социально-экономического состояния Чечня не выделялась на фоне общегосударственной картины. Кризисные для страны 1990-е годы ознаменовались для республики общим спадом промышленного и сельскохозяйственного производства, вскоре принявшим катастрофические размеры и формы. Важную роль в углублении затяжного кризиса сыграл отток высококвалифицированных специалистов «некоренных» национальностей.

К 2000 году Чечня подошла с пессимистичными экономическими прогнозами и полным набором характерных черт слабо развитого региона: низкий уровень развития промышленности; недостаточная диверсификация хозяйства; недостаточный уровень занятости местного населения и невысокая квалификация рабочей силы; чрезвычайно слабая инфраструктура и обеспеченность территории.⁶³

Второй параграф содержит полученные в ходе изучения социально-демографической подсистемы сведения, информационно дополняющие первый и последующий блоки изучаемых подсистем. В основе проведенного анализа – работа с материалами переписей населения в исследуемый период, другими статистическими данными такого характера, изучение отчетов, справок, докладных записок разного уровня, переписки Центральных и местных органов власти. Множественные количественные показатели убедительно доказывают следующее:

К концу первой четверти 20-го века чеченское население было очень компактно расселено на территории Северного Кавказа⁶⁴ и склонности к выезду за его пределы не имело. Благодаря тем социальным преобразованиям, которые были проведены в 1920-е годы, особенно в сфере здравоохранения и социального обеспечения, заметно набрал темпы его

⁶¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.1046. Л.171; Д.1047. Л.5.

⁶² Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994. СС.42-44, 146; 40-50-е гг.: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР)/ История СССР. 1992, №1. С.127-137; Ингушская государственность. Москва-Назрань, 1997. С.26.

⁶³ Штульберг Б.М., Введенский В.Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. М.: Гелиос АРВ, 2000. С.117.

⁶⁴ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994. С.9.

количественный прирост.⁶⁵ В то же время удельный вес чеченцев и ингушей на территории республики неуклонно снижался на протяжении советского периода – вплоть до начала процессов консолидации титульных национальностей в границах национально-государственных образований в конце 1970-х годов.⁶⁶ Традиционным для Чечни являлось существенное преобладание в численности сельского населения, приблизительно – 1:3.⁶⁷

Коренные изменения в демографические показатели чеченского этноса принесли годы выселения. Депортацию вполне можно выделить в качестве самостоятельного и очень важного этапа в формировании современной демографической картины чеченского и ингушского этносов. Помимо кардинальных изменений в численности, она нанесла огромный ущерб генофонду народов. Проблема высокой смертности депортированных северокавказских народов оставалась актуальной вплоть до окончания ссылки в 1957-м.⁶⁸ Особо остро стояла проблема детской и младенческой смертности. Следует отметить, что даже при сохранении довольно высокой рождаемости, переселенные северокавказские народы имели наибольший процент смертности по сравнению со всеми остальными переселенными народами и группами.

Масштабным ухудшением этнодемографической ситуации чеченцев последствия депортации не исчерпываются. Важным ее следствием стало часто не замечаемое в общих работах по истории Чечни и чеченцев ослабление этнической компактности, имеющее заметный резонанс в настоящее время. Межэтнический баланс на территории Чечено-Ингушетии изменялся вследствие направленной государственной политики с начала 1920 годов, но вплоть до 1957 года не нарушалась стойкая тенденция горцев к компактному расселению в пределах своей этнической территории.

С качественным улучшением социально-экономических условий и привнесением политической стабильности в жизнь чеченского этноса после возвращения переселенцев на родину (с учетом всех трудностей возвращения) увеличился его естественный прирост. Динамика численности населения в ЧИАССР шла в русле общих для страны процессов в сфере демографии. Отвечала она общей для РСФСР тенденции более интенсивного роста населения на национальных окраинах, чем в целом по республике. Тенденция увеличения популяции чеченского этноса сохранялась до начала 1990-х годов, когда в активную фазу вступили демографически деструктивные процессы, повлекшие резкое уменьшение их численности.

В параграфе проанализирована социальная структура чеченского общества, раскрыты вопросы политического поведения и участия (на примере революционной Чечни). Автор

⁶⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С.25, таб.4; С.68, таб.16; Русские на Северном Кавказе: 20-е – 30-е годы. Документы, факты, комментарии. М., 1993. С.13.

⁶⁶ Народы России: энциклопедия (Гл.ред. В.А.Тишков). М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С.30.

⁶⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С.25, таб.4; С.68, таб.16; Кавказские орлы. М., 1993. С.50.

⁶⁸ 40-50-е гг.: последствия депортации народов// История СССР. 1992, №1. С.142.

пришел к выводу об ошибочности распространенного в литературе положения о добровольной или вынужденной изоляции горцев от политической, экономической и культурной жизни остальной страны после Октября 1917 года. Степень вовлеченности чеченцев в общественно-политические события революционного периода определена как достаточно высокая. Прослежена идентичность локальных и общероссийских политических процессов (по составу участников, по выдвигаемым требованиям, по распределению движущих сил, характеру их противостояния и т.д.).⁶⁹

В третьем параграфе проанализированы культурная и языковая подсистемы. Они тесно связаны между собой. Язык является важнейшим фактором этнической идентификации и, наряду с культурой, играет большую роль в сохранении этнической традиции. В национальном языке уникальным образом кодируется окружающая действительность, устанавливается только ему присущая система связей между объектами реального мира, выстраивается отличительная иерархия смыслов и ценностей. Эти позиции легли в основу проведенного автором анализа.

Изучение множества количественных характеристик и сопоставление их с другими данными, показали, что чеченцам на протяжении всего исследуемого периода были присущи устойчивые высокие показатели владения родным языком и признания его в этом качестве.⁷⁰ Вместе с тем отчетливо проявляется тенденция к распространению русского языка.⁷¹ Заметным оказался пришедшийся на то же десятилетие рост численности чеченцев, признающих третий язык в качестве родного.

В контексте рассмотрения культурной и языковой подсистем особое внимание уделено истории создания чеченского алфавита: охарактеризованы партийные решения, в той или иной степени определявшие судьбу «новописьменных» языков, продолжительные дискуссии специалистов относительно базы создаваемого алфавита.⁷² Прослежены успехи и трудности в ликвидации безграмотности в городе и селе.⁷³ В этой связи затронуты вопросы политики «коренизации» в образовательном аспекте.⁷⁴ Значительные успехи в области народного образования и просвещения в республике были достигнуты к 1939 году. Специалисты-филологи усматривают при этом кардинальное противоречие: с одной стороны – чеченский язык

⁶⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. СС.93-94; или Берлин, 1924. С.358; Шерипов А. Статьи и речи. Грозный, 1990. СС.60-63; Из истории борьбы за власть Советов и социалистических преобразований в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941). Майкоп, 1995. С.112; и др.

⁷⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С.80, таб.17; Аниханов М.В., Степанов В.В., Сусоколов А.А. Титульные этносы Российской Федерации. Аналитический справочник. М.: Институт национальных проблем образования, 1999. С.159; и др.

⁷¹ Народы России: Энциклопедия (Гл. ред. В.А.Титков). М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С.442.

⁷² Пятое заседание десятого съезда РКП(б) 10 марта 1921 г.// Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы: Документы и материалы. М., 1992. С.61; Сталин И.В. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. *Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии*. Сочинения, т.5. СС.293-300.

⁷³ РФАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5713. Л.70.

⁷⁴ РФАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5751. ЛЛ.11-14; Д.5727. Л.188.

развивался и изучался, с другой – вытеснялся под воздействием различных нововведений, теле-радио-коммуникаций не только из официальной сферы, но и на бытовом уровне. Русский язык способствовал насыщению национального языка чеченцев современными понятиями и терминами.

В формировании и функционировании языковой и культурной среды важная роль отводится ассимиляционным процессам. Применительно к чеченскому этносу речь, в первую очередь, идет о депортации 1944 года: проанализированы решения партийного и советского руководства, направленные на размывание внутризтнической интеграции, и стихийно сложившиеся действия этноса по сохранению этнической самобытности.⁷⁵ Более детально рассмотрению подверглись явления, распространенные в чеченском обществе по сей день – практикуемый обычай эндогамии и передвижения на дальние расстояния от этнической территории в поисках заработка, т.н. «шабашничества».

Анализ современной образовательной ситуации в Чеченской республике внушает опасения: несложный математический подсчет показывает, что из числа родившихся после 1974-1976 годов чеченцев подавляющее большинство либо не окончили школу, либо вовсе не были охвачены обучением. На основании результатов исследования автор пришел к выводу о том, что опасность кроется не столько в политике исламизации, затронувшей в первую очередь школу,⁷⁶ сколько в политике исламизации в отсутствие школы в Чечне.

В третьей главе – «Чеченский этнос как субъект политико-правовых отношений» рассматриваются сущностные характеристики взаимодействия чеченской этносистемы в этнополитическом пространстве, механизм мобилизации чеченского этноса и идеология сепаратизма в Чечне (истoki и трансформация).

В первом параграфе раскрыты сущностные характеристики взаимодействия чеченцев в этнополитическом пространстве. Они определялись автором на трех основных уровнях: внутри этнической группы, между этническими группами в рамках макросоциума и между государством и группами-доминантами, с одной стороны, и меньшинствами – с другой. В качестве доминанта фигурирует государствообразующая русская этническая группа.

Первый уровень взаимодействия – внутри этнической группы – в целом являет собой противоборство в рамках этноса за установление контроля над распределением материальных и духовных ресурсов, которыми этот этнос обладает в границах этнической территории.⁷⁷ Этот вопрос неразрывно связан с положением и всем спектром значимых действий чеченской элиты. В данном контексте автор оспаривает утверждение о том, что в Чечне в советский период не

⁷⁵ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994; Белая книга ЧССР. Из истории выселения чеченцев и ингушей 1944-1957. Грозный – Алма-Ата, 1991; Так это было, т.2. М., 1993.

⁷⁶ Аниканов М.В., Степанов В.В., Сухоколов А.А. Титульные этносы Российской Федерации. Аналитический справочник. М.: Институт национальных проблем образования, 1999. С.157.

⁷⁷ Борисова О.В. Этнические группы в политическом процессе. Дюсс. М., 1997. С.56.

сложилась советская этническая элита.⁷⁸ Духовенство и старейшины фамильных групп автором определены как группы влияния и даже отождествляемы с элитой чеченского общества, но лишь применительно к конкретным этапам в его истории. Под сомнение поставлена сама историографическая тенденция объединять духовенство и старейшин в нечто цельное и однородное.

Борьба чеченской этнической элиты за приоритетный доступ к источникам власти и экономического благополучия имела ряд последствий. Наиболее очевидное из них – массовый отток из Чечни как партийной, так и интеллектуальной прослойки русских. Менее очевидным было то, что акцент на контролирующих позициях в плоскости распределения уже имеющихся в наличии экономических ресурсов изъял из зоны внимания проблему их возобновления. Сопутствующим негативным фактором стала переоценка заложенного в этнической группе потенциала к самостоятельному движению в дальнейшем развитии сферы производства материальных благ.

Фокусирование вокруг конфликта за материальные и символические ресурсы характерно для взаимодействия чеченского этноса на двух других уровнях этнополитического пространства – с теоретически равноудаленными от Центра этническими группами и доминантным этносом. План борьбы за привилегии, права и ресурсы, а также за повышение политической субъектности сводится при этом к общей стратегии и тактике коренных народов в эпоху пересмотра мирового постколониального политико-правового пространства.

В параграфе получила освещение распространенная в чеченской этнической среде применительно к русско-чеченским отношениям «колониальная» или «имперская» тема, а также содержательно близкий ей сюжет, получивший в научной литературе признание как «комплекс исторической жертвы» или «избранная общая травма».⁷⁹ Сквозь призму анализа этих явлений выявлены особенности отношений чеченцев с мировым сообществом: чеченскому этносу проще взаимодействовать с «третьей силой», нежели осуществлять взаимосвязь с этническими группами государства, частью которого он является, и тем более с доминирующим этносом.

Система межгруппового этнического взаимодействия была проанализирована и с применением модели межэтнической (социокультурной) дистанции.⁸⁰ На основе анализа были

⁷⁸ Пущев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992 – ...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М., 1998. С.62; и др.

⁷⁹ Тишков В. Слова и образы в постконфликтной реконструкции// Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001. СС.52-53; Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическими комментариями// Общественные науки и современность. 1992, №6. С.41; Greveria I.-M. Speak up or be silent? On an ethno-anthropological approach to war. *Anthropological Journal on European Cultures*. 1995, Vol.4. No.2. P.92.

⁸⁰ Лебалева Н. Роль культурной дистанции в формировании новых идентичностей// Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997; Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России (под ред. Л.М.Дробизевой). М.: Ин-т социологии РАН, 1998; Деметрадзе М.Р. От «Кавказских Балкан» к «Кавказскому дому». М.: Министерство культуры РФ. Рос.ин-т культурологи, 2001.

сделаны выводы: чеченский этнос весьма далек от оптимизации этой дистанции – ему свойственен очень высокий уровень неопределенности, частота актов взаимодействия на уровне отсутствия межэтнических контактов, долгосрочное пребывание в состоянии крайнего напряжения или стрессовом состоянии. С учетом исторического опыта Чечни в составе России и основополагающего заключения – данные группы (меньшинство и доминант) не относятся к числу этнических систем, которые не могут сосуществовать в одном социальном пространстве – автором предложены некоторые рекомендации по стабилизации взаимоотношений в этнополитическом пространстве на всех его уровнях.

Во втором параграфе проанализированы предпосылки и механизм мобилизации чеченского этноса. Данные явления рассмотрены автором в ракурсе концепции о формировании политической мобилизации этнических групп вокруг темы несправедливости.⁸¹ Для чеченцев в рамках исследуемого периода неиссякаемым источником питания чувства несправедливости стала тема депортации 1944-1957 годов. Политическое бесправие и социально-экономическая немощность (вызванная в большой степени отсутствием прав и в хозяйственной области) чеченского населения в ссылке не исчерпывают несправедливость, связанную с выселением. После депортации для чеченцев наступила пора тяжелейшего возвращения на Северный Кавказ.

Анализ нормативных актов, связанных с реабилитацией репрессированного этноса, говорит о том, что официальное, публичное признание допущенной несправедливости и ожидание его чеченским народом затянулось на тридцать с лишним лет.⁸² К моменту выхода Декларации Верховного Совета СССР пассивное народное возмущение, активно используемое национальной элитой, переросло в требования восстановления исторической правды о прошлом народа; и скоро чувство несправедливости и призывы исправить положение стали базой для всех остальных политических лозунгов.

Рефлексия чеченской национальной элиты по поводу политической истории своей этнической общности привела к «переосмыслению» истории вайнахов на местном уровне с интенсивным использованием националистических мифологем. Тем самым был найден новый

⁸¹ Смит Д. Причины возникновения и тенденции распространения вооруженных конфликтов// Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001. С.22-49; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985; Тишков В.А. О природе этнических конфликтов// Свободная мысль. 1994, №4; Тишков В. Слова и образы в постконфликтной реконструкции// Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001. С.49-73; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996. С.179-205; и др.

⁸² Постановление Совета Министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев» от 15 июля 1954 г.// Реабилитация народов России. Сборник документов. М.: ИНСАН, 2000; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» от 9 января 1957 г.// Ингушская государственность. Москва-Назрань, 1997; Закон СССР «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов» от 11 февраля 1957 г.// Сборник Законов СССР. 1936-1975, т.1. М., 1975; Постановление Совета Министров ДАССР от 19 октября 1959 г. №386 «О самовольном строительстве домов чеченцами на территории Новолакского района и г.Хасавюрта»// Реабилитация народов России. Сборник документов. М.: ИНСАН, 2000. С.270; и др.

способ мобилизации этноса, в основе которого, по-прежнему, лежало разделяемое этнической группой чувство несправедливости. Чеченская национальная элита определяла и артикулировала формы неравенства (или несправедливости) с акцентом на этничность, поскольку смещение акцентов в социальную плоскость приводило бы не к консолидации этноса, а, напротив, дезинтеграции группы по социальному признаку.

В основе чеченской национальной идеи, которая после официального осуждения репрессий против народов и групп в СССР стала результатом целенаправленных усилий чеченской интеллигенции, лежало чувство поправного национального достоинства – это располагает к появлению у людей потребности в крайних формах самоутверждения как этнической группы. Такой прием неоднократно применялся этнократией на просторах бывшего СССР, отличительной чертой применительно к Чечне стало особое отношение чеченцев к представителям национальной интеллигенции.

Мифологизация этнического самосознания сыграла важную роль в формировании основного вида этнической мобилизации – национализма, идеология которого направлена на обострение чувства этноцентризма.⁸³ Чеченский этноцентризм включал в себя две необходимые составляющие: признание своей группы эталонной, референтной для оценки других этносов; признание других групп худшими и проявления по отношению к ним враждебности, недоверия, презрения. Это позволило перейти к новому этапу в стратегии мобилизации этноса – конституированию на уровне группового сознания образа врага, т.е. запуску механизма «мы/они» («свой/чужой»), который усиливал групповую сплоченность и межэтническую агрессию.

В рамках изучения механизма мобилизации чеченского этноса отдельное внимание уделено религиозному фактору и его перспективам в качестве мобилизационного ресурса в Чечне. Признавая большую роль ислама в деструктивных, дезинтеграционных процессах, особенно в плоскости взаимоотношений региона с Центром, автор пришел к выводу о том, что усиление влияния религиозного фактора (в его чеченском варианте) ситуативно, а возможность использования его в целях мобилизации масс – временна. Таким образом, потенциал ислама в качестве мобилизационного ресурса определен как ограниченный: вынесение его на позиции национальной идеи грозит расколом чеченского общества вместо планируемой этнической элитой его консолидации под религиозным знаменем.

В третьем параграфе получила рассмотрение идеология сепаратизма в Чечне. В данном контексте освещена история национальной государственности чеченцев, т.к. кризис в сфере национально-государственного устройства был признан одним из основных факторов

---

⁸³ Прим.: у Дж.Гакаева (Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. М.: ЧКЦ, 1997) встречается термин «вайнахский этноцентризм» – Е.А.

конфликтности в регионе.⁸⁴ Истоки и трансформация идеологии сепаратизма в Чечне проанализированы на примере двух исторических периодов: 1930-е – начало 1940-х – время активизации «бандповстанческих сил» и борьбы Центра с ними; 1990-е – время противостояния региона с Федеральным Центром.

Выделение первого периода обусловлено сложившейся историографической традицией рассматривать его как один из этапов исторической борьбы чеченцев за независимость.⁸⁵ Автор ставит под сомнение данное положение, а также тезис об исключительности и колоссальной мощи повстанческого движения.⁸⁶ Массив изученных материалов (включая растиражированный факт поимки диверсанта О.Губе⁸⁷) подводит к выводу о том, что масштаб волнений в Чечне был сильно преувеличен как в более поздних документах, так и в историографии; движущую силу «повстанчества» составляло горское крестьянство; «террористические акции», как правило, являлись ответной реакцией на карательные действия властей; требования носили социально-экономический характер; выдвигаемые в отдельных случаях политические требования имели подчиненное значение.⁸⁸ Таким образом, ни по одному из возможных пунктов волнения в Чечне не могут быть классифицированы как сепаратистские.

Сепаратизм в Чечне наших дней – явление другого порядка. Существенное сходство с событиями 1930-х – начала 1940-х годов прослеживается в хронологической и проблемной зависимости региональных процессов от общегосударственных. Чеченская модель сепаратизма незначительно отличается от аналогичных в других регионах СССР и РСФСР. С учетом аксиом формирования и развития отношений между регионами и Центром государства, автор выразил явление сепаратизма в Чечне обычной формулой, введя дополнительную переменную – СССР. Тем самым была сделана попытка рассмотреть чеченское сепаратистское движение в ракурсе

⁸⁴ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. СС.50-52.

⁸⁵ См.: С.11, 27, 198-201 диссертации.

⁸⁶ Ахторханов А. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М., 1991. С.64, 66; Conquest R. The Nation Killers. London, 1978. P.71; Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. М.: ЧКЦ, 1997. СС.102-103; и мн.др.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.8. Д.599. Л.2.

⁸⁸ Анализ документов соответствующего периода, преимущественно архивных данных, позволяет в деталях проследить социально-экономическое положение населения республик, оказавшее решающее влияние на характер выступлений, суть выдвигаемых требований и социальный состав их участников (РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5726. Л.211, 261; Д.5727. Л.50-55, 70; Оп.8. Д.599. Л.182). Документы НКВД подтверждают связь происшедших на территории Чечни событий с перегибами и насилием со стороны властных структур (Репрессированные народы России: чечены и ингуши. М., 1994. СС.27-29). В протоколах заседаний местных партийных организаций в период, хронологически более близкий к «бандповстанчеству», уверенно говорится о единичных выступлениях (РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5718. Л.5; прим.: в документах встречается пометка «и в случае подтверждения факта совершения убийства на политической почве кулачеством, считать необходимым...» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5718. Л.3). Об отдельных выступлениях колхозников упоминают и датированные 1937-м годом и позже документы (РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5727. Л.49), хотя на этом рубеже в них уже появились «убийцы, бандиты и контрреволюционные секты» из числа местных жителей (РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5751. Л.21; Д.5727. Л.68, 69, 93), а промахи действующей власти в республике стали именоваться «контрреволюционным делом бывшего руководства» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5727. Л.236). Примечателен также тот факт, что после выдворения чеченцев и ингушей из ЧИАССР показатели активности преступных элементов в регионе не только не уменьшились, но и наметилась тенденция к их увеличению (РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.732. Л.41) – Е.А.

типичного поведения слабо развитого региона в условиях общегосударственного системного кризиса.

Оценка роли национальной элиты в движении сепаратизма освещена сквозь призму легитимации новой властной элиты Чечни. Анализ политической ситуации осени 1991-го года убедительно демонстрирует, что к этому моменту легитимация новой власти не состоялась ни в пределах республики, ни вне их. Непримириемость в вопросе о суверенитете Чечни составляла легитимационный потенциал нового режима. Введение чрезвычайного положения в республике создало общий благожелательный климат для перехода от мобилизации легитимационного потенциала одного из лидеров этнической группы к общей мобилизации этноса под его началом.

Из числа необходимых для возникновения такого явления как сепаратизм условий применительно к Чечне выделены следующие: общий политический, социально-экономический кризис в государстве; недостаточность местного самоуправления; недовольство проводимой Центром политикой. Из числа сопутствующих – миграция, индустриализация, поддержка извне.

Вооруженные формирования чеченских сепаратистов прошли обычные для такого рода движений стадии эволюции: от образа защитников этнической общины от армии противника до трансформации в мафиозные образования, претендующие на представительство от имени всей этнической группы. На основе базовой модели для классификации сепаратистских движений в работе предложена пробная классификация движения чеченских сепаратистов.⁶⁹

В заключении подведены итоги проведенного исследования, сформулированы основные выводы.

Этнополитические процессы в Чечне осмыслены автором, с одной стороны, как комплекс последовательных действий чеченского этноса, направленных на решение главных вопросов общественно-политической и социально-экономической жизни; с другой – как проекция политического процесса в масштабе государства на конкретный, чеченский, этнос. В этом заключен основополагающий принцип протекания локальных и центральных этнополитических процессов – одновременность. В их совокупности состоит полнота этнополитической картины.

Изучение базовых характеристик чеченской этносистемы позволило сделать выводы:

- экономически Чечня оставалась в числе неблагополучных районов на протяжении всего исследуемого периода; стойкая приверженность чеченцев к архаичным формам ведения хозяйства (в том числе в преобладающем сельскохозяйственном секторе), трудности адаптации к более прогрессивным формам обусловили дальнейшее развитие промышленного, наукоемкого производства на территории республики при минимальной вовлеченности в него коренного населения;

⁶⁹ Авраменко А.В. Сепаратизм: сущность и проблемы. Дисс. М., 1997. С.101.

- инициированные Советской властью и направленные на улучшение условий жизни этноса преобразования благотворно сказались на демографических показателях – численность чеченцев неуклонно повышалась, тенденция естественного прироста нарушалась дважды – во время депортации и военно-политического противостояния с Федеральным Центром; в целом, Чечня была подвержена общегосударственным тенденциям демографического развития;

- низкий уровень грамотности, а затем – образования коренного населения Чечни повлек проблему нехватки квалифицированных национальных кадров, ставшую традиционной во всех сферах жизнедеятельности этноса; государственная политика в образовательной области изжила неграмотность в городе и селе; существенным шагом назад стали последствия депортации 1944 года и военно-политического конфликта 1990 годов, когда подавляющая часть чеченских детей и молодежи не была охвачена обучением;

Обозначенные тенденции социально-экономического, демографического, культурного плана обладали большой устойчивостью в чеченской этнической среде. Тем не менее, процесс модернизации, инициированный Советской властью с переходом в иную социально-временную категорию, состоялся: чеченская этническая группа являла собой органичную составляющую многонационального Советского государства; чеченцы были в достаточной мере интегрированы во все происходившие в стране процессы; успешно прошли политическую социализацию (советизацию) после Октября 1917 года, а также повторную социализацию после окончания срока их насильственного выселения в отдаленные районы СССР.

Этнополитический конфликт 1990-х годов стал как следствием общегосударственного системного кризиса, так и результатом локальных этнополитических процессов в его условиях. Анализ технологии мобилизации чеченского этноса, развития сепаратистских тенденций в его среде позволяет говорить о возможности избежать повторения подобного противостояния. Опыт их межэтнического взаимодействия доказывает, что эти группы не относятся к числу этнических систем, которые не могут сосуществовать в одном социальном пространстве. Применение известных в науках, связанных с этничностью, методов, направленных на уменьшение остроты противоречий, сделает усилия по стабилизации отношений и возвращению региона в общегосударственное политико-правовое поле более эффективными.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Идеология сепаратизма в Чечне: истоки и трансформация// Вопросы гуманитарных наук. 2005. №2 (17). С.388-404.
2. Потенциал ислама как фактора мобилизации чеченского этноса// Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2006». История. Сборник тезисов. М., 2006.

Отпечатано в ООО «Компания Спутник+»

ПД № 1-00007 от 25.09.2000 г.

Подписано в печать 27.11.06

Тираж 100 экз. Усл. п.л. 2

Печать авторефератов (095) 730-47-74, 778-45-60

